

Научная статья
УДК 343.98
doi: 10.17223/15617793/519/24

Некоторые аспекты проведения комплексной психолого-лингвистической экспертизы в связи с принятием Федерального закона «О внесении изменений в статью 187 Уголовного кодекса Российской Федерации»

Анна Львовна Боренштейн¹, Константин Геннадьевич Балашов², Иван Юрьевич Быстров³

¹ Юго-Западный государственный университет, Курск, Россия, annalbor@yandex.ru

² Адвокатская контора Красноперкопского района г. Ярославля (Ярославская областная коллегия адвокатов), Ярославль, Россия, balashoffkonstantin@yandex.ru

³ АНО ЦПН «Северные чайки», Курск, Россия, bystrov.ivan05@gmail.com

Аннотация. Обоснована необходимость теоретико-методологического обеспечения комплексной психолого-лингвистической экспертизы в связи с обновлением состава преступления, предусмотренного ст. 187 УК РФ. Проведен многоаспектный анализ вербальных и паралингвистических характеристик коммуникационной деятельности участников неправомерного оборота средств платежей. Сформирован унифицированный перечень процессуально значимых вопросов для судебных экспертов-психолингвистов по делам данной категории. Разработаны рекомендации по совершенствованию экспертной практики.

Ключевые слова: комплексная психолого-лингвистическая экспертиза, неправомерный оборот средств платежей, коммуникационная деятельность, цифровые доказательства, финансово-криптовалютный профиль, идентификационные маркеры, состав преступления, умысел

Для цитирования: Боренштейн А.Л., Балашов К.Г., Быстров И.Ю. Некоторые аспекты проведения комплексной психолого-лингвистической экспертизы в связи с принятием Федерального закона «О внесении изменений в статью 187 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 519. С. 195–204. doi: 10.17223/15617793/519/24

Original article
doi: 10.17223/15617793/519/24

Some aspects of conducting a comprehensive psychological and linguistic examination in connection with the adoption of the Federal Law "On Amendments to Article 187 of the Criminal Code of the Russian Federation"

Anna L. Borenstein¹, Konstantin G. Balashov², Ivan Yu. Bystrov³

¹ Southwest State University, Kursk, Russian Federation, annalbor@yandex.ru

² Law Office of Krasnopereokopsky District of Yaroslavl, Yaroslavl, Russian Federation, balashoffkonstantin@yandex.ru

³ Autonomous Non-profit Organization "Northern Seagulls", Kursk, Russian Federation, bystrov.ivan05@gmail.com

Abstract. This article examines the theoretical and methodological foundations for commissioning and conducting comprehensive psychological and linguistic examinations in criminal cases involving the illegal circulation of payment instruments, particularly in light of Federal Law No. 176-FZ of June 24, 2025, which expanded the scope of the criminal offense defined in Article 187 of the Criminal Code of the Russian Federation. The primary focus is on identifying methodological gaps in the expert evaluation of digital communications among members of organized groups engaged in unlawful activities within the sphere of non-cash transactions. The study aims to establish a scientific and methodological framework for conducting comprehensive psychological-linguistic examinations in cases of illegal payment instrument circulation, identify critical challenges in current expert practice, and propose a set of measures to address these challenges considering the updated criminal legislation. The research draws on an empirical corpus of text messages extracted from private Telegram chats, documenting 2024 correspondence between coordinators and operatives involved in unlawful activities in the Kursk region. The methodology integrates content analysis, discourse analysis, structural-functional modeling of communicative roles, and pragmatic-semantic analysis of professional jargon from the financial and cryptocurrency domains. A comprehensive approach was adopted to examine both verbal and paralinguistic features of communication in terms of their forensic relevance. The findings reveal systemic methodological deficiencies in the expert assessment of digital communications in cases involving illegal payment instrument circulation. To address these gaps, the authors propose the following measures: 1. Develop and formalize at the Russian Federal Centre of Forensic Science (RFCFS) level methodological guidelines for the linguistic identification of functional roles, incorporating a typology of discursive markers and establishing reference corpora of criminal communications. 2. Amend the Criminal Procedure Code of the Russian Federation by introducing Article 81.1 "Digital Evidence," legalizing multimodal content, and regulating procedures for documenting dynamic messages with cryptographic protection. 3. Establish a three-tiered system of psycholinguistic criteria for assessing criminal intent, comprising: lexical-semantic markers

indicating awareness of legal risks, pragmatic-communicative indicators of conspiratorial behavior, and discursive-role criteria reflecting criminal socialization. 4. Develop a standardized set of ten essential questions for forensic psycholinguists, addressing the identification of specialized jargon, reconstruction of participant hierarchies, detection of markers indicating awareness of illegality, and analysis of coordination mechanisms.

Keywords: comprehensive psychological-linguistic examination, illegal turnover of means of payment, communication activities, digital evidence, financial and cryptocurrency domain, identification markers, corpus delicti, intent

For citation: Borenstein, A.L., Balashov, K.G. & Bystrov, I.Yu. (2025) Some aspects of conducting a comprehensive psychological and linguistic examination in connection with the adoption of the Federal Law "On Amendments to Article 187 of the Criminal Code of the Russian Federation". *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 519. pp. 195–204. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/519/24

Активная цифровизация финансового сектора привела к качественному усложнению преступных практик в сфере безналичных расчётов. Принятием Федерального закона от 24.06.2025 № 176-ФЗ «О внесении изменений в статью 187 Уголовного кодекса Российской Федерации» законодатель отреагировал на новые формы неправомерного оборота средств платежей, расширив предмет состава преступления, конкретизировав признаки объективной стороны и ужесточив санкции [1]. Указанная новелла повлечёт существенный рост числа уголовных дел, в рамках которых доказательственное значение будут приобретать тексты электронных коммуникаций – переписки в мессенджерах, посты в социальных сетях, аудио- и видеосообщения. Для надлежащей оценки смыслопрагматического содержания этих сообщений, а также для изучения психологических характеристик их авторов следственная и судебная практика всё чаще будет прибегать к комплексной психолого-лингвистической экспертизе (КПЛЭ). Между тем методические основы КПЛЭ в контексте обновлённого состава ст. 187 УК РФ до настоящего времени не получили должного теоретико-правового осмысления, что обуславливает необходимость специального научного анализа.

В отечественной науке сформирован солидный массив исследований, посвящённых теоретическим и прикладным аспектам судебных, лингвистических и психолого-лингвистических экспертиз. В частности, труды И.А. Стернина, Т.В. Агаркова, М.А. Головки, А.Ю. Савельева, Н.Н. Селиверстова и др. Однако основное внимание указанных работ сосредоточено на делах, связанных с распространением экстремистских материалов [2. С. 32], защитой чести и достоинства [3. С. 67] либо преступлениями против половой неприкосновенности [4. С. 101]. Специфика назначения и проведения КПЛЭ по уголовным делам о неправомерном обороте средств платежей пока недостаточно исследована, поскольку соответствующий состав преступления получил уголовно-правовое закрепление лишь в последнее время.

Практико-ориентированные рекомендации Минюста России и ФГБУ «Российский федеральный центр судебной экспертизы» затрагивают преимущественно отдельные технические вопросы – идентификацию автора сообщений, выявление скрытых смыслов, анализ речевых стратегий. При этом за пределами методического регулирования остаются критерии дифференциации функциональных ролей соучастников («дропов»,

«дроповодов», организаторов), а также вопросы, связанные с психологической мотивацией и структурой их преступного умысла.

Отсутствие целостной научно-методической базы, учитывающей особенности данного состава преступления, осложняет формирование единых экспертных стандартов и снижает эффективность доказательственной деятельности по делам, возбужденным по ст. 187 УК РФ.

Цель исследования – формирование теоретико-методологических основ назначения и проведения КПЛЭ по уголовным делам о неправомерном обороте средств платежей с учётом последних изменений содержания ст. 187 УК РФ.

В целях достижения заявленной цели надлежит решить взаимосвязанные задачи, к числу которых относятся:

1) осуществление многоаспектного анализа вербальных и паралингвистических характеристик коммуникационной деятельности лиц, наделённых процессуальным статусом подозреваемого либо обвиняемого, с целью выявления информативных признаков, релевантных для криминалистической оценки их поведения;

2) формирование унифицированного перечня процессуально значимых вопросов, подлежащих постановке органами дознания, предварительного следствия и судом перед судебным экспертом-психолингвистом;

3) разработка научно обоснованных рекомендаций, направленных на совершенствование практики производства комплексной психолого-лингвистической экспертизы по уголовным делам указанной категории.

Выявленные методологические пробелы обуславливают последовательную структуру исследования. На первом этапе будет проведен анализ вербальных и паралингвистических характеристик коммуникационной деятельности. На втором этапе предстоит сформировать и систематизировать типовые вопросы, адресуемые эксперту по делам, возбужденным по ст. 187 УК РФ. Завершающий этап предусматривает разработку рекомендаций, направленных на унификацию и совершенствование практики проведения КПЛЭ по делам о неправомерном обороте средств платежей.

Перейдем к формулированию понятийно-категориального аппарата исследования.

Эксперт – это лицо, обладающее специальными познаниями в области науки, искусства или ремесла и привлекаемое к делу судом, следствием или органами

дознания. Согласно процессуальным нормам, экспертом может быть любое лицо, обладающее специальными познаниями в конкретной области [5. С. 14].

Комплексная психолого-лингвистическая экспертиза – это вид судебной экспертизы, в ходе которой одновременно применяются методы лингвистики и судебной психологии для анализа речевых продуктов (письменных текстов, аудио- и видеозаписей, интернет-переписки и т.п.) и психических проявлений их авторов [6. С. 352].

Предмет экспертизы включает:

1) лингвистические особенности сообщения (лексика, грамматика, прагматика, скрытые смыслы, речевые стратегии) [7. С. 119];

2) психологические характеристики коммуниканта (мотивы, эмоциональное состояние, структура умысла, функциональная роль в группе) [8. С. 7].

Основные задачи КПЛЭ:

а) установить точный смысл и юридически значимые признаки высказываний [9. С. 125];

б) определить наличие или отсутствие противоправного содержания [8. С. 53];

в) дифференцировать роли соучастников на основании языковых и психологических маркеров [10. С. 159];

г) оценить направленность и степень осознанности умысла [11. С. 60].

Заключение эксперта, основанное на результатах КПЛЭ, представляет собой самостоятельное доказательство, подлежащее оценке следствием и судом на общих основаниях в соответствии с нормами уголовно-процессуального законодательства [12. С. 217].

В целях практической реализации обозначенной задачи сформирован репрезентативный сравнительный корпус текстовых сообщений, зафиксированных в 2024 г. в переписках координаторов («дроповодов» [13. С. 187]) и исполнителей («дропов» [14]), осуществлявших противоправную деятельность на территории Курской области из закрытых чатов в мессенджере Telegram. Сбор, извлечение, обезличивание и хранение указанных цифровых материалов произведены уполномоченными лицами исключительно в научно-исследовательских целях и в строгом соответствии с требованиями действующего законодательства Российской Федерации. Указанный эмпирический массив служит базой для многоаспектного анализа вербальных и паралингвистических характеристик коммуникации лиц, обладающих процессуальным статусом подозреваемого либо обвиняемого, с целью идентификации информативных признаков, имеющих криминалистическое значение при оценке их функциональной роли и субъективной стороны преступления.

Объектом исследования является профессиональный групповой чат, функционирующий в формате корпоративного мессенджера. Контент-анализ переписки обнаруживает сформированную иерархическую структуру, в которой коммуникативное поведение участников коррелирует с их функциональными обязанностями.

1. Управленческая подсистема (пользователи Mersi, VS, SK). Представители данной категории ини-

цируют стратегические коммуникации: формулируют директивы, запрашивают отчётность, устанавливают контрольные сроки и осуществляют мониторинг исполнения.

2. Оперативные исполнители. Участники этой группы привязаны к конкретным рабочим локациям («кабинет», «ЛК» и др.) и обеспечивают ежедневное выполнение производственных задач. Их сообщения характеризуются краткими фактологическими отчётами, подтверждениями завершённых операций и запросами на дальнейшие указания.

3. Технические специалисты. Данная категория пользователей отвечает за бесперебойное функционирование оборудования и информационных систем. В коммуникации они фиксируют технические статусы, уведомляют о неполадках и предлагают алгоритмы их устранения.

Анализ динамики сообщений позволяет выделить устойчивые паттерны взаимодействия:

– периодические отчёты о ходе работ и достигнутых результатах;

– запросы на верификацию или одобрение действий;

– оперативные уведомления о возникновении инцидентов и их приоритетности;

– координация ресурсов и распределение задач между подразделениями.

Таким образом, исследуемый чат выполняет функцию распределённого диспетчерского центра, где иерархическая ролевая структура определяет как содержание сообщений, так и последовательность коммуникативных актов.

Проведённый лингвистический и семиотический анализ профессиональной переписки позволил выявить устойчивый пласт отраслевого жаргона, характерного для финансовых операций с элементами криптовалютного и банковского секторов.

1. Базовая операционная лексика. Термины «межбанк», «выплаты», «платежи», «заявки», «реквизиты», а также метафорическое использование слова «трубки» (контекстуально интерпретируется как мобильные устройства) указывают на ежедневную транзакционную деятельность, сопряжённую с переводами денежных средств и оформлением внутренних бухгалтерских документов.

2. Специализированные обозначения инфраструктуры:

– «Байбит» (Bybit) и «экснод» (Exnode) функционируют как номинации конкретных криптовалютных платформ или расчётных сервисов;

– комплекс слов «оборотка», «баланс офиса» сигнализирует о мониторинге текущей ликвидности и доступных резервов.

– маркеры «ордер», «выводить», «сливать» фиксируют операции по выводу, конвертации и перераспределению активов.

3. Индикаторы повышенного комплаенс-риска.

В переписке регулярно фигурируют коннотации «высокий риск», «риски», «ФЗ» (вероятно, ссылка на законодательные ограничения, связанные с противо-

действием легализации доходов), а также «компромат», употребляемый как обозначение заблокированных или проблемных счетов/аккаунтов.

4. Оценочные реплики, подтверждающие осознание возможной противоправности.

Цитаты, содержащие агрессивно-оценочные характеристики участников («Вот г****н», «Это пёс»), а также прямые упоминания уголовной ответственности («Он боится в тюрьму сесть», «Да он и так сядет уже»), демонстрируют рефлексивное понимание участниками потенциальных уголовно-правовых последствий собственной деятельности. Содержательные ссылки на конкретных лиц в сочетании с указанием сумм («Сапрыкин Владислав 25к», «Антонов Кирилл (компромат с прошлой смены)») косвенно подтверждают наличие спорных транзакций и связанных с ними санкционных мер.

Обобщая, изученный корпус сообщений свидетельствует о функционировании внутрикорпоративного сообщества, вовлечённого в высокорисковые финансовые схемы. Лексические особенности коммуникации одновременно выполняют прагматическую (оперативное взаимодействие) и эзотерическую (маскировка содержания) функции, что характерно для сред с повышенными требованиями к конфиденциальности и обходу нормативных барьеров.

Прагматико-дискурсивный разбор корпусов сообщений показал, что речевой репертуар участников сводится к четырём устойчивым классам коммуникативных интенций, каждая из которых коррелирует с определёнными этапами технологического цикла иерархически организованного коллектива.

1. Координационные интенции. Эта категория направлена на синхронизацию действий всех исполнителей. Формат выражения – точные директивы, задающие либо начало, либо приостановку процедур, либо распределение ресурсов. Языковые маркеры: глаголы совершенного вида в форме повелительного наклонения («завершите», «становитесь»), вопросительные конструкции с отсылкой к статусу оборудования или количеству задействованных единиц техники.

2. Отчётные интенции. Сообщения данного типа фиксируют факт вступления в смену, её завершения и промежуточные производственные показатели. Структура предельно формализована: идентификатор исполнителя, привязка к рабочему участку, временной интервал и количественные параметры (объём транзакций, остатки средств, число активных устройств). Лингвистически реализуются в виде эллиптических высказываний с доминированием числительных и аббревиатур.

3. Запросно-инструктивные интенции. Функция – получение обратной связи или уточнение регламентов. Чаще всего это комбинированные высказывания с элементами просьбы и одновременным включением инструкции: «проверьте, затем выполните», «уследите за балансом до порогового значения». Лексика включает разговорные модальные частицы, подчеркивающие срочность и объём предстоящих операций.

4. Предупредительно-превентивные интенции. Этот класс высказываний нацелен на минимизацию

ошибок и соблюдение внутренних комплаенс-норм. В качестве ключевых маркеров выступают отрицательные частицы и числительно-количественные ограничения («не допускается оплата частями», «одна операция – один платёж»). Императивная семантика здесь сочетает информирование с явным запретом.

Все перечисленные группы объединяет доминирование директивной модальности. Повелительные формы лишены смягчающих средств вежливости и ориентированы на быстрое исполнительское реагирование, что отражает строгую вертикаль власти в рассматриваемом сообществе.

Структурно-функциональный анализ повседневной переписки показал, что внутри исследуемого профессионального сообщества сформирована трёхуровневая ролевая иерархия.

1. Стратегическое звено. Руководящая триада (Mersi, VS, SK) концентрирует полномочия по определению лимитов, контролю оборотных средств и оперативному переназначению ресурсов. Сообщения указанных субъектов содержат директивы жёсткой временной и количественной детерминации, что подтверждает их статус центров принятия решений.

2. Операторы кабинетов. Четыре «ЛК» (локальных кабинета) обслуживаются группой сменных исполнителей, закреплённых поимённо за каждым участком. Функциональный репертуар их сообщений ограничивается отчётами о входе-выходе из смены, фиксацией остатков на счетах и подтверждением выполненных транзакций. Наличие кросс-кабинетного дублирования (одни и те же актаны – Никита, Оля, Alex – задействованы в разных локациях) указывает на гибкую модель распределения трудовых ресурсов.

3. Техническая поддержка. Егор (Voron) и Сибат (S) обеспечивают бесперебойную работу инфраструктуры: первый отвечает за аппаратную составляющую («трубки», серверы), второй – за криптовалютные кошельки и финансовые шлюзы. Коммуникативные маркеры этой подгруппы – отчёты о состоянии оборудования, рекомендационные алгоритмы ликвидации сбоя и предложения по оптимизации потоков.

Коллективная идентичность конструируется посредством:

- узкоспециального жаргона («оборотка», «межбанк», «сливать»), исключающего потребность в дополнительном пояснении;

- выраженной практики взаимопомощи при инцидентах («висит платёж», «упала труба» – незамедлительный отклик коллег);

- эмоциональной интеграции, транслируемой через юмор, поздравления и обесценивающее обсуждение рисков.

Показательно, что сниженная лексика и ироничные комментарии («Вот г****н», «Это пёс») функционируют как психологический барьер против осознания юридической значимости совершаемых операций. Тем не менее, отдельные реплики («Он боится в тюрьму сесть», «Карта тоже блокнулась?») демонстрируют латентное признание противоправной природы деятельности и возможных санкционных последствий.

Таким образом, коммуникационная экосистема описываемого чата характеризуется высокой степенью институциональной упорядоченности, выраженной в чёткой ролевой стратификации, специализации каналов взаимодействия и одновременным существованием норм, направленных на нивелирование правовых рисков посредством внутригруппового жаргона и юмористической риторики.

Психолингвистический анализ дискурса выявил три устойчивых эмоционально-оценочных контекста, коррелирующих с текущими ситуациями производственного цикла.

1. Нейтрально-профессиональный регистр. Большая часть высказываний оформлена как лаконичные протоколы («Заступил – сдал смену», «1ЛК – 2,796»). Подобные сообщения демонстрируют отсутствие экспрессивных средств, что типично для рутинного, регламентированного взаимодействия.

2. Ситуативная вовлечённость и соревновательный драйв. При фиксации повышенных показателей наблюдается всплеск позитивной экспрессии: «Команду Никсона обогнали», «На 900 к, да». Эмоционально заряженные реплики выполняют функцию сплочения коллектива и усиления мотивации, выступая в качестве маркера внутригрупповой конкуренции.

3. Стресс-триггерные проявления. При технических или юридических сбоях регистр резко меняется: используются сниженная лексика, вербализованные агрессивные оценки («Вот г****н», «Тот, который в банк ходил»). Это свидетельствует о кратковременной утрате нормативного коммуникативного контроля на фоне роста тревожности.

Обобщённая ролевая модель.

Стратегический уровень: Mersi, VS, СК задают лимиты, перераспределяют ресурсы, вырабатывают тактические и комплаенс-решения. Лингвистические признаки: директивы императивного характера, указание сроков и объёмов.

Оперативный уровень: операторы ЛК 1–4 – проводят транзакции, ведут учёт «трубок», обеспечивают отчётность по остаткам средств. Сообщения носят формализованный и количественно насыщенный характер.

Инженерно-технологический уровень: Voron (Егор) и S (Смбат) – гарантируют техническую надёжность инфраструктуры и обслуживание криптовалютных шлюзов. Коммуникация содержит отчёты о статусе оборудования и рекомендации по устранению инцидентов.

Таким образом, исследуемое сообщество функционирует в жёстко структурированной иерархии с чётким распределением ролей. Эмоциональные колебания участников детерминированы фазами рабочего процесса: от нейтральных отчётных последовательностей через моменты командного подъёма до эпизодов резкого аффекта при угрозе санкций или блокировок.

Корпус сообщений корпоративного мессенджера представляет собой замкнутую профессиональную коммуникативную среду, вокруг которой выстроена трёхуровневая иерархия. На верхнем уровне находятся

стратегические акторы, идентифицируемые по никнеймам Mersi, VS и СК; именно они определяют лимиты, перераспределяют финансовые ресурсы, инициируют перемещение материально-технической базы и формулируют нормативы комплаенса. Средний уровень образуют операторы четырёх локальных кабинетов, обозначаемых как ЛК-1 – ЛК-4; их дискурс редуцирован до количественно насыщенных отчётов о сменах, остатках и объёмах транзакций, что указывает на жёсткую унификацию процедур и минимизацию избыточных данных. Третьим уровнем служит технический контур; Егор (Voron) курирует аппаратную инфраструктуру («трубки», серверы), а Смбат (S) – криптовалютные шлюзы и платёжные API, обеспечивая непрерывность конверсионных операций.

Лингвистическая картина чата характеризуется обилием отраслевого жаргона и кодовых маркеров. Термины «межбанк», «байбит», «экснод», «оборотка», «сливать» выполняют одновременно прагматическую и эзотерическую функции: они ускоряют обмен оперативной информацией и затрудняют внешнюю интерпретацию содержания. Особое место занимают эфемеризмы риска – «компромат», «ФЗ», «высокий риск», которые служат индикаторами блокировок, повышенного внимания со стороны регуляторов и необходимости немедленного пересмотра маршрутизации средств. Примечательно, что обсуждение блокировок карт и счетов осуществляется без эмоционального удивления, фиксируя устоявшееся восприятие подобных инцидентов как рутинного элемента производственного цикла.

Коммуникативные интенции распределены по четырём базовым сценариям: координация («Завершите смены», «Становитесь на паузу»), отчётность («Заступил – сдал смену», «1ЛК – 2,796»), запросно-инструктивные сообщения («Баланс держим до 20 к»), а также превентивные уведомления («На Ecnode нельзя оплачивать заявку двумя платежами»).

Для всех сценариев характерно императивное синтаксическое оформление, что отражает вертикальную модель власти и жёсткую дисциплину исполнения. Обсуждение чувствительных тем нередко переводится в формат голосовых сообщений, что минимизирует текстовый след и, следовательно, вероятность внешнего аудита.

Эмоциональный регистр высказываний варьируется от нейтрально-протокольного – в периоды штатной работы – до гиперэкспрессивного при достижении высоких финансовых показателей («Команду Никсона обогнали на 900 к») или при возникновении критических рисков, когда появляется обценная лексика и признаки кратковременного аффективного срыва («Вот г****н», «Тот который в банк ходил»). Однако даже в стрессовых эпизодах коммуникация быстро возвращается к нормативному формату, что свидетельствует о высокой степени профессиональной социализации.

Сопоставление лексических, структурных и поведенческих параметров позволяет реконструировать функциональную модель деятельности группы. Входя-

щий поток средств агрегируется на множестве банковских карт, далее сумма дробится, частично конвертируется через криптовалютные биржи (Bybit, Exnode) и реинтегрируется в виде вывода («слива») или межбанковского перевода. Регулярная смена карт, устройств и, при необходимости, локаций (зафиксирован переезд офиса 14.06.2024) выступает элементом встроенной стратегии избегания идентификации по 115-ФЗ и смежным нормативным актам. Управленческая триада постоянно мониторит остатки, устанавливает динамические лимиты и отдаёт распоряжения о «стопе» или «паузе» для предотвращения наложения банковских санкций.

Таким образом, коммуникационная среда описываемого коллектива представляет собой высокоорганизованный диспетчерский узел, обслуживающий непрерывный цикл конверсионных операций с признаками отмывания денежных средств. Жёсткая ролевая стратификация, специализированный жаргон, использование имплицитных каналов и готовность к оперативной ротации ресурсов подтверждают высокий уровень профессионализации и осознанное стремление минимизировать юридические риски.

Итак, анализ массивов коммуникаций, циркулировавших в закрытом корпоративном мессенджере, позволил установить трёхконтурную иерархию преступного сообщества: стратегическое ядро (Mersi, VS, СК) формирует управленческие директивы, среднее звено операторов локальных «кабинетов» выполняет финансовые транзакции, а техническая группа обеспечивает устойчивость цифровой инфраструктуры. Лексико-семантическая разметка выявила устойчивый специализированный жаргон финансово-криптовалютного профиля («межбанк», «байбит», «экснод», «оборотка») наряду с кодовыми маркерами риска («хвосты», «тормознуть»), что свидетельствует о высокой степени профессиональной социализации и о намеренной закрытости дискурса. Доминанта директивной модальности вкупе с чётко фиксированными ролевыми ожиданиями подтверждает внутреннюю субординацию и дисциплинарный контроль; наличие эксплицитных упоминаний лишения свободы, блокировок счетов и компромата демонстрирует осознание противоправности совершаемых действий.

Реконструированная функциональная модель показывает, что сообщество осуществляет легализацию доходов посредством дробления платежей, множественных конвертаций и межбанковских переводов с привлечением криптовалютных платформ, что указывает на классический механизм «слоения». Наблюдается высокая адаптивность: регулярная ротация финансовых посредников, обновление терминологического кода и гибкая ролевая и технологическая мобильность минимизируют санкционные риски. Комплекс выявленных вербальных и паралингвистических признаков обладает криминалистически значимой доказательной силой, поскольку объективирует не только распределение функциональных ролей, но и субъективную сторону деяний, обеспечивая возможность правовой квалификации каждого участника в соответствии с нормами уголовного законодательства.

В целях унификации экспертно-аналитических процедур при расследовании преступлений, квалифицируемых по ст. 187 УК РФ, и с учётом актуальных методологических подходов судебной психолингвистики разработан следующий перечень вопросов, подлежащих разрешению экспертом-психолингвистом в ходе комплексного исследования текстовой коммуникации:

1. Выявляются ли в анализируемом корпусе сообщений лексические, фразеологические и прагматические единицы, функционирующие в качестве профессионального жаргона, характерного для незаконного оборота платёжных средств?

2. Позволяют ли структурно-прагматические характеристики дискурса реконструировать иерархию участников, определить их коммуникативные роли и степень вовлечённости в предполагаемую противоправную деятельность?

3. Фиксируются ли дискурсивные индикаторы целенаправленного взаимодействия, прямо или опосредованно указывающие на подготовку и совершение операций с поддельными платёжными инструментами?

4. Содержит ли текстовый материал семантические маркеры, свидетельствующие об осознании авторами противоправной природы своих действий, а также об оценке возможных юридических последствий?

5. Позволяет ли дискурсивный анализ выявить алгоритмизированные и повторяющиеся поведенческие сценарии, отражающие систематичность и планомерность противоправной активности?

6. Прослеживаются ли лингвистические и психологические признаки сокрытия информации (кодовые обозначения, эвфемизмы, перифразистические конструкции), указывающие на стремление минимизировать риск раскрытия?

7. Наблюдаются ли в коммуникации координационные механизмы (согласование действий, распределение функций, синхронизация временных параметров), демонстрирующие объединённость участников в рамках единого преступного проекта?

8. Содержит ли дискурс стратегические модели поведения, направленные на избегание обнаружения правоохранительными органами и снижение вероятности уголовной ответственности?

9. Способствует ли психолингвистический анализ идентификации индивидуально-психологических особенностей авторов (мотивационные установки, уровень осознанности, доминирующие поведенческие тенденции), релевантных квалификации их участия?

10. Дает ли контент-анализ основание реконструировать ценностно-мотивационную систему участников, определяющую их готовность к совершению незаконных финансовых операций?

Представленный перечень вопросов ориентирован на комплексное освещение лингвистических, когнитивных и психологических аспектов коммуникации, что обеспечивает получение достоверных экспертных выводов по делам о фальсификации платёжных средств.

На основе проведенного анализа материалов можно выделить три ключевые проблемы в сфере производства комплексной психолого-лингвистической экспертизы по уголовным делам о неправомерном обороте средств платежей:

1. *Отсутствие унифицированных методических стандартов идентификации функциональных ролей соучастников на основе дискурсивных маркеров.*

В современной судебно-экспертной практике, ориентированной на выявление и пресечение незаконного оборота средств платежей, прослеживается выраженный методологический пробел, связанный с отсутствием унифицированных критериев дифференциации ролевых позиций участников организованных групп. Несмотря на зафиксированное в ряде исследований наличие устойчивых лингвистических паттернов, коррелирующих с определёнными уровнями преступной иерархии, их процессуальная интерпретация до настоящего момента не кодифицирована, что порождает неоднородность экспертных заключений и ограничивает их доказательственную ценность.

Устранение указанного пробела представляется возможным посредством комплексных мер, ключевой из которых является разработка и утверждение на уровне ФГБУ «Российский федеральный центр судебной экспертизы» Минюста России методических рекомендаций по лингвистической идентификации функциональных ролей в финансово-ориентированных преступных сообществах. В основу данных рекомендаций целесообразно положить типологию дискурсивных маркеров, характеризующих четыре базовые ролевые позиции: организатор, координатор, исполнитель и технический специалист. Наличие стандартизированного перечня лингвистических индикаторов, выявленных в данном исследовании, позволит унифицировать экспертные выводы и повысить их эффективность.

Дополнительным условием методологической консолидации является формирование эталонных корпусов коммуникаций, полученных из реальных уголовных дел и снабжённых верифицированной ролевой атрибуцией. Такие корпуса смогут служить сравнительной базой при проведении экспертиз, обеспечивая объективность сопоставительных процедур и способствуя выработке количественных метрик, необходимых для доказательного обоснования выводов.

Наконец, интеграция специализированных модулей по анализу цифровых коммуникаций, имеющих отношение к составу преступления, предусмотренному ст. 187 УК РФ, в программы повышения квалификации судебных экспертов-лингвистов обусловит системное тиражирование новых методик. Обучение должно включать практико-ориентированные занятия с использованием упомянутых эталонных корпусов, что позволит сформировать у специалистов устойчивые навыки распознавания ролевой структуры преступных групп на основании текстовых данных.

2. *Недостаточная процессуальная регламентация использования имплицитных коммуникативных каналов в качестве объектов экспертного исследования.*

Современная цифровая коммуникация, осуществляемая через мессенджеры и схожие платформы, характеризуется выраженной тенденцией к переносу

наиболее чувствительных тематических фрагментов взаимодействия в формат голосовых сообщений, что минимизирует текстовый след и тем самым усложняет формирование доказательственной базы в уголовных делах, связанных, в частности, с незаконным оборотом средств платежей; необходимость предварительной транскрипции аудиофайлов и последующего их экспертного анализа существенно повышает трудоёмкость исследования, тогда как действующие методические регламенты, зафиксированные в ведомственных нормативных актах, остаются ориентированными преимущественно на обработку эксплицитного письменного контента, что объективно сокращает полноту и снижает достоверность выводов специалистов.

Оптимизация указанного фрагмента экспертной деятельности возможна при условии внедрения целостного междисциплинарного протокола комплексной фоноскопической и психолого-лингвистической экспертизы, аккумулирующего методики анализа вербальных, паравербальных и контекстуальных характеристик мультимодальной коммуникации. Фоноскопический компонент позволяет идентифицировать речевого субъекта и установить индивидуально-акустические особенности голосового сигнала, тогда как психолого-лингвистический блок обеспечивает выявление семантических, прагматических и аффективных параметров сообщения, что в совокупности формирует более надёжную основу для определения коммуникативного намерения и функциональной роли участника взаимодействия.

При этом дефицит нормативной регламентации обращения с динамически изменяющимся контентом мессенджеров обуславливает необходимость внесения адресных поправок в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. Законодательное закрепление особенностей процессуального оформления, сохранения и исследования удалённых либо модифицированных сообщений призвано нивелировать риски утраты доказательственной информации, обеспечить воспроизводимость следственных действий и унифицировать требования к допустимости полученных данных в судебном разбирательстве. Целесообразно начать изменения с введения в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации дефиниционного блока, легализующего сам объект исследования. Для этого предлагается дополнить Кодекс новой ст. 81.1 «Цифровые доказательства», в которой установить понятия мультимодального цифрового контента, динамического сообщения и критериев аутентичности, основанных на криптографической хеш-фиксации, метках времени и квалифицированной электронной подписи лица, осуществившего копирование. Одновременно в ст. 74 следует включить цифровую информацию в перечень самостоятельных доказательственных средств, а в ст. 81 – прямо указать, что вещественными доказательствами признаются и электронные носители либо облачные сегменты памяти, содержащие копию исходных данных. Такой концептуальный блок задаёт правовую основу для последующего регламентирования процессуальных действий с голосовыми файлами и иными нефиксированными каналами коммуникации.

Процессуальная имплементация предусматривает корректировку статей, определяющих порядок следственных действий. В статье 164 необходимо ввести норму, обязывающую следователя немедленно создавать заверенную форензик-копию цифрового объекта с сохранением исходника в неизменном виде; ст. 166 надлежит дополнить обязательным отражением в протоколе версий программного обеспечения, используемого алгоритма хеширования и полученной контрольной суммы. Статья 183 должна содержать положения о дистанционном изъятии данных с облачных серверов при наличии судебного решения, а новая ст. 186.1 «Контроль и запись цифровых коммуникаций» – порядок перехвата, автосохранения и депонирования удаляемых голосовых сообщений с возложением на оператора мессенджера обязанности содействовать извлечению информации. Помимо этого, вводится унифицированная форма «Протокола фиксации динамического контента», предусматривающая регистрацию всех событий (добавление, изменение, удаление) и приобщение экранных видеозаписей, аудиофайлов и системных логов к материалам дела, что обеспечивает воспроизводимость и верифицируемость цифровых доказательств.

Экспертно-диагностический контур укрепляется за счёт внесения изменений в ст. 195 и 200, закрепляющих возможность назначения комплексной фоноскопической и психолого-лингвистической экспертизы для идентификации речевого субъекта, анализа семантики, прагматики и аффективных характеристик сообщений, а также обязательность предоставления эксперту неизменённой копии с протоколом её фиксации и хеш-суммами. В статье 82 следует регламентировать хранение электронных носителей и копий в защищённом сегменте информационной системы следственного органа с обязательным протоколированием доступа, а в ст. 179 – ввести процедуру «цифрового осмотра» удалённых ресурсов с использованием сертифицированных средств форензики. Закрепив данные изменения федеральным законом и снабдив их подзаконными актами (ГОСТ-профилем форензик-копии, методическими рекомендациями по хеш-контролю), законодатель создаёт единую воспроизводимую систему обращения с мультимодальным контентом, что в совокупности позволяет включать голосовые сообщения и иные имплицитные каналы коммуникации в доказательственный оборот на равных правах с традиционными текстовыми источниками.

Неотъемлемым звеном предложенной модели является разработка технических регламентов, детализирующих порядок фиксации и гарантированного сохранения целостности коммуникативного контекста при изъятии цифровых доказательств. Речь идёт, в частности, о стандартизации процедур получения зеркальных копий устройств, ведения журналов хеш-сумм, протоколирования сетевых параметров и использования систематизированных средств электронной подписи. Реализация таких регламентов обеспечит возможность последующей реконструкции полной картины взаимодействия участников, что существенно повысит доказательственный потенциал экспертных заключений и

будет способствовать гармонизации практики правоприменения в условиях стремительно развивающейся цифровой среды.

3. Отсутствие валидированных психолингвистических критериев оценки осознанности противоправного умысла в условиях профессиональной криминальной социализации.

Исследование демонстрирует парадоксальное сочетание эксплицитных маркеров осознания противоправности деяний с психологическими механизмами их нивелирования через юмор и профессиональный жаргон. Существующие экспертные методики не предлагают надежных критериев дифференциации между формальным знанием о противоправности и реальным осознанием юридических последствий в условиях групповой криминальной субкультуры. На основе проведенного анализа представляется возможным выделить три группы психолингвистических критериев оценки осознанности противоправного умысла в условиях профессиональной криминальной социализации.

Первая группа охватывает лексико-семантические маркеры рефлексивного осознания юридических рисков, манифестируемые через эксплицитные вербализации потенциальных санкций («боится в тюрьму сесть», «да он и так сядет уже»), использование специализированной терминологии комплаенс-контроля («ФЗ», «высокий риск», «компромат») и метадискурсивные комментарии относительно блокировок финансовых инструментов. Наличие подобных языковых единиц в естественной коммуникации свидетельствует о сформированной когнитивной модели правовых последствий и осознанном выборе стратегий их минимизации.

Вторая группа критериев фокусируется на прагматико-коммуникативных индикаторах конспиративного поведения, включающих систематическое использование профессионального жаргона с эзотерической функцией («межбанк», «оборотка», «сливать»), переключение модальностей общения при обсуждении сенситивных тем (переход на голосовые сообщения), а также наличие имплицитных директив по соблюдению операционной безопасности («на Exnode нельзя оплачивать заявку двумя платежами»). Данные паттерны демонстрируют не только техническую компетентность в сфере финансовых манипуляций, но и выработанные механизмы сокрытия криминальной деятельности, что является прямым свидетельством осознания её противоправности.

Третья группа объединяет дискурсивно-ролевые критерии, отражающие степень интеграции индивида в иерархическую структуру преступного сообщества через анализ коммуникативных ролей (инициация vs исполнение директив), частотность использования внутригрупповых идентификаторов и участие в коллективных ритуалах психологической нормализации девiantного поведения (ироничное обесценивание рисков, групповая эмоциональная поддержка при инцидентах). Устойчивость данных паттернов во временной перспективе указывает на завершенность процесса криминальной социализации и полную интернализацию противоправных норм как элемента профессиональной идентичности, что исключает возможность

квалификации действий как совершенных по неосторожности или в состоянии заблуждения относительно их правовой природы.

Итак, проведенное исследование методологических аспектов комплексной психолого-лингвистической экспертизы по уголовным делам о неправомерном обороте средств платежей выявило триаду критически значимых проблем, обусловленных имплементацией обновленного состава ст. 187 УК РФ. Первостепенное значение приобретает отсутствие унифицированных стандартов идентификации функциональных ролей соучастников на основе дискурсивных маркеров, что минимизирует доказательственный потенциал экспертных заключений. Установлено, что лингвистическая картина корпоративной коммуникации в криминальных сообществах характеризуется иерархически детерминированными особенностями, позволяющими дифференцировать стратегическое ядро, операционное звено и технический контур противоправной

деятельности посредством анализа директивных, отчетных и координационных речевых актов.

Предложенный комплекс методических рекомендаций направлен на преодоление выявленных пробелов и включает валидированные психолингвистические критерии оценки осознанности противоправного умысла, типологию дискурсивных маркеров для идентификации функциональных ролей и унифицированный перечень вопросов, подлежащих разрешению судебным экспертом. Приоритетной нормативной инициативой является законодательное закрепление процессуального статуса мультимодального цифрового контента и имплицитных коммуникативных каналов посредством дополнения УПК РФ специализированными нормами о цифровых доказательствах, что обеспечит полноту формирования доказательственной базы по делам, квалифицируемым по ст. 187 УК РФ, и повысит эффективность правоприменительной практики в условиях динамично развивающейся цифровой среды.

Список источников

1. Федеральный закон от 24.06.2025 № 176-ФЗ «О внесении изменений в статью 187 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_508353/ (дата обращения: 26.06.2025).
2. Галяшина Е.И. Экспертиза экстремистских материалов: проблемы методического и информационного обеспечения // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 7 (47). С. 25–41.
3. Бринев К., Куликова М. О некоторых проблемах, связанных с производством комплексной психолого-лингвистической экспертизы продуктов речевой деятельности // Юрислингвистика. 2023. № 30 (41). С. 65–70.
4. Антонян Ю.М., Эминов В.Е. Личность преступника. Криминологическое исследование. М.: Норма; ИНФРА-М, 2010. 368 с.
5. Стернин И.А., Соломатина М.С. Семантический анализ слова в контексте. Воронеж: Истоки, 2013. 71 с.
6. Желтухина М.Р. Комплексная судебная экспертиза: психолого-лингвистический аспект // Юрислингвистика. 2011. № 1 (11). С. 350–367.
7. Иванова И.Г. Некоторые проблемы назначения и производства комплексной психолого-лингвистической экспертизы // Енисейские политико-правовые чтения: сб. науч. ст. по материалам XIII Всерос. науч.-практ. конф., Красноярск, 25–26 сентября 2020 г. Вып. V. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2020. С. 118–122.
8. Галяшина Е.И. Комплексная психолого-лингвистическая экспертиза текстов – дань моде или насущная необходимость? // Эксперт-криминалист. 2018. № 3. С. 6–9.
9. Савченко А.А., Никишина Н.А. Психосенсорные и сенсомоторные корреляты психических состояний и свойств личности. М.: Изд-во РГСУ, 2006. 300 с.
10. Судебная экспертиза: типичные ошибки / под ред. Е.Р. Россинской. М.: Проспект, 2014. 544 с.
11. Челпанов В.Б. Лингвистический анализ текста в структуре комплексной психолого-лингвистической экспертизы // Значение как феномен актуального языкового сознания носителя языка: материалы межрегион. науч. конф. 23–24 октября 2015 г. / науч. ред. И.А. Стернин. Воронеж: ВГУ; Истоки, 2015. С. 60–61.
12. Челпанов В.Б. Лингвистический и психологический аспекты экспертизы текста: проблема дифференциации // Сопоставительные исследования 2016. Продолжающееся научное издание / науч. ред. М.А. Стернина. Воронеж: ВГУ; Истоки, 2016. С. 216–220.
13. Альмов Д.В., Балашов К.Г., Дериглазова А.Ю. Криминологическая характеристика типовых следов преступника, осуществляющего криминальную деятельность в виртуальном пространстве (на примере дроповодов) // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 506. С. 185–192. doi: 10.17223/15617793/506/23
14. Боренштейн А.Л., Кухарев Ю.С., Балашов К.Г. Некоторые аспекты совершенствования понятийно-категориального аппарата для расследования преступлений с участием «дропов» и «дроповодов» в цифровой среде // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 512. С. 223–232. doi: 10.17223/15617793/512/24

References

1. Consultant Plus. (2025) *On Amendments to Article 187 of the Criminal Code of the Russian Federation. Federal Law No. 176-FZ of June 24, 2025*. [Online] Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_508353/ (Accessed: 26.06.2025). (In Russian).
2. Galyashina, E.I. (2018) *Ekspertiza ekstremistskikh materialov: problemy metodicheskogo i informatsionnogo obespecheniya* [Examination of extremist materials: problems of methodological and information support]. *Vestnik Universiteta imeni O. Ye. Kutafina (MGYuA)*. 7 (47). pp. 25–41.
3. Brinev, K. & Kulikova, M. (2023) *O nekotorykh problemakh, svyazannykh s proizvodstvom kompleksnoy psikhologo-lingvisticheskoy ekspertizy produktov rechevoy deyatel'nosti* [On some problems associated with the production of a comprehensive psychological and linguistic examination of speech products]. *Yurilingvistika*. 30 (41). pp. 65–70.
4. Antonyan, Yu.M. & Eminov, V.E. (2010) *Lichnost' prestupnika. Kriminologo-psikhologicheskoye issledovaniye* [Personality of the Criminal. Criminological and Psychological Research]. Moscow: Norma; INFRA-M
5. Sternin, I.A. & Solomatina, M.S. (2013) *Semanticheskyy analiz slova v kontekste* [Semantic Analysis of a Word in Context]. Voronezh: Istoki.
6. Zheltukhina, M.R. (2011) *Kompleksnaya sudebnaya ekspertiza: psikhologo-lingvisticheskyy aspekt* [Comprehensive forensic examination: psychological and linguistic aspect]. *Yurilingvistika*. 1 (11). pp. 350–367.
7. Ivanova, I.G. (2020) [Some issues of appointing and conducting a comprehensive psychological and linguistic examination]. *Yeniseyskiye politiko-pravovyye chteniya* [Yenisei Political and Legal Readings]. Proceedings of the 13th All-Russian Conference. Vol. 5. Krasnoyarsk. 25–26 September 2020. Krasnoyarsk: Siberian Federal University, pp. 118–122. (In Russian).
8. Galyashina, E.I. (2018) *Kompleksnaya psikhologo-lingvisticheskaya ekspertiza tekstov – dan' mode ili nasushchnaya neobkhodimost'* [Comprehensive psychological and linguistic examination of texts: a tribute to fashion or an urgent necessity?]. *Ekspert-kriminalist*. 3. pp. 6–9.
9. Savchenko, A.A. & Nikishina, N.A. (2006) *Psikhosensornyye i sensomotornyye korrelyaty psikhicheskikh sostoyaniy i svoystv lichnosti* [Psychosensory and Sensorimotor Correlates of Mental States and Personality Traits]. Moscow: Russian State University for the Humanities.

10. Rossinskaya, E.R. (ed.) (2014) *Sudebnaya ekspertiza: tipichnyye oshibki* [Forensic Examination: Typical mistakes]. Moscow: Prospekt.
11. Chelpanov, V.B. (2015) [Linguistic analysis of text in the structure of comprehensive psychological-linguistic expertise]. *Znacheniyе kak fenomen aktual'nogo yazykovogo soznaniya nositelya yazyka* [Meaning as a Phenomenon of Current Linguistic Consciousness of a Native Speaker]. Proceedings of the Transregional Conference. Voronezh. 23–24 October 2015. Voronezh: Voronezh State University; Istoki. pp. 60–61. (In Russian).
12. Chelpanov, V.B. (2016) Lingvisticheskiy i psikhologicheskiy aspekty ekspertizy teksta: problema differentsiatsii [Linguistic and psychological aspects of text expertise: the problem of differentiation]. In: Sternina, M.A. (ed.) *Sopostavitel'nyye issledovaniya 2016* [Comparative Studies 2016]. Voronezh: Voronezh State University; Istoki. pp. 216–220.
13. Alymov, D.V., Balashov, K.G. & Deriglazova, A.Yu. (2024) Criminalistic characterization of typical traces left by an offender engaged in criminal activities in the virtual space (using the example of dropper operators). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 506. pp. 185–192. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/506/23
14. Borenshteyn, A.L., Kukharev, Yu.S. & Balashov, K.G. (2025) Refining the conceptual and categorical apparatus for investigating crimes involving drops and drop handlers in the digital environment. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 512. pp. 223–232. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/512/24

Информация об авторах:

Боренштейн А.Л. – канд. юрид. наук, доцент кафедры административного и трудового права Юго-Западного государственного университета (Курск, Россия). E-mail: annalbor@yandex.ru

Балашов К.Г. – помощник адвоката Адвокатской конторы Красноперекопского района г. Ярославля (Ярославская областная коллегия адвокатов) (Ярославль, Россия). E-mail: balashoffkonstantin@yandex.ru

Быстров И.Ю. – юрисконсульт АНО ЦПН «Северные чайки» (Курск, Россия). E-mail: bystrov.ivan05@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

A.L. Borenstein, Cand. Sci. (Law), associate professor, Southwest State University (Kursk, Russian Federation). E-mail: annalbor@yandex.ru

K.G. Balashov, assistant attorney, Law Office of Krasnopereokopsky District of Yaroslavl (Yaroslavl, Russian Federation). E-mail: balashoffkonstantin@yandex.ru

I.Y. Bystrov, legal advisor, Autonomous Non-Profit Organization "Northern Seagulls" (Kursk, Russian Federation). E-mail: bystrov.ivan05@gmail.com

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 01.07.2025;
одобрена после рецензирования 01.10.2025; принята к публикации 10.10.2025.*

*The article was submitted 01.07.2025;
approved after reviewing 01.10.2025; accepted for publication 10.10.2025.*